

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Политическая символика представляет собой один из способов культурного символизма, показывающий, что практически любой объект, вещь, процесс, слово, явление, число и т.д. может приобрести символическое значение в сознании человека, так как символ помогает человеку эффективнее осваивать окружающий мир, хранить и транслировать информацию, осуществлять формирование и развитие политического пространства общества. Целью настоящей работы является определение места и роли политической символики в процессе легитимации трансформирующегося политического пространства.

Политическое пространство есть один из структурных элементов социального пространства. П. Бурдьё определяет его как политическое поле социального пространства. «Политическое поле, – по мнению этого ученого, – это одновременно ... поле сил и поле борьбы, направленной на изменение соотношения этих сил, которое определяет структуру поля в каждый данный момент, ... влияние на поле внешней необходимости дает о себе знать посредством той связи, которую доверители (население – Р.Д.), в силу своей дифференцированной отдаленности от средств политического производства, поддерживают со своими доверенными лицами (политиками – Р.Д.), а также посредством связи, которую эти последние в силу их диспозиций поддерживают со своими организациями» [1, с. 181-182].

Таким образом, политическое пространство – это многомерное пространство позиций, связей и институтов, в котором любая существующая позиция, связь или организация может быть определена, исходя из многомерной системы координат с соответствующими различными переменными. Во-первых, они распределяются по общему объему властных полномочий, которыми располагают конкретные субъекты; во-вторых, по соотношению властных полномочий, т.е. по относительному весу властных позиций в общей совокупности политических отношений. Одним из способов выражения расстановки позиций и связей между институтами политики является символическая организация системы властных отношений.

Под политическим символом, с нашей точки зрения, следует понимать некий образ-знак, выражающий определенную идею, вещь, человека, отношение, политическую систему, страну, который наделен по своей природе конкретным смыслом, присущим только ему одному, и обладает свойственной данному символу художественной или другим образом выраженной структурой, которая знакома всем членам общества.

Знаково-символический комплекс политики участвует в процессе политической легитимации политического пространства. Функция легитимации системы властных отношений в общественном сознании является одной из главных задач политической символики. Она направлена на обоснование и сакрализацию политической власти в момент выполнения ею своих полномочий и функций, на утверждение и возвышение авторитета государства и его идеологической ценностно-символической организации. Данная функция символики зависит от соответствия ее существующей в данной общественной системе политической культуре, от учета национальных и культурных особенностей при создании новых знаковых систем политики с целью легитимации политического режима. Поэтому сегодня для белорусской политической науки весьма актуальным является вопрос, связанный с формированием национального идеолого-символического комплекса политики, которой полностью соответствовал социально-психологическим особенностям и национальным традициям, ценностям и представлениям белорусского народа.

Легитимирующая функция политической символики тесно связана с национально-политической мифологией. Политическая мифология «... может изображаться с бесконечно разнообразной интенсивностью своей символики, и символ ... может как угодно подходить к мифу и даже сливаться с ним» [2, с. 146]. Национально-политическая мифология находит свое олицетворение в символической организации общественного сознания, а политический режим находит свою легитимность в этой символически олицетворенной мифологии. Политическая власть для оправдания своей легитимности должна обладать определенными характеристиками (сакрализованность, божественное происхождение, наследственный

(традиционный) характер, коренящийся в политической традиции и мифологии, повторяющейся на протяжении длительного промежутка времени). «Люди верили мифам раньше, верят им и теперь. Многие, очень многие наши современники не мыслят критически, не подвергают проверке ложную информацию и не соотносят с фактами то, что им кажется или что им внушено» [3, с. 246] – замечает философ А. Голан.

Однако политический миф «обладает относительной независимостью от переменчивости политического климата, поскольку является феноменом многосторонним и многообразным. Его характерной чертой следует считать относительную устойчивость на протяжении весьма длительного периода времени» [4, с. 53-54]. Этого нельзя сказать по отношению к знаково-символическому комплексу политики, который обслуживает социально-политическую мифологию. Политическая символика более динамична и переживает изменения вкупе с политическими трансформациями и реформами, и ей требуется некоторое время, чтобы она снова стала соответствовать политической мифологии, обслуживающей политическую власть и обеспечивающей ей легитимность в общественном сознании.

Советская политическая мифология и государственная идеология были скомпрометированы обнародованием в конце 80 – нач. 90-х годов прошлого века информации, касающейся сталинских репрессий и других преступлений советской власти против своего народа. Отсюда легитимация новых политических сил и государственных образований после развала СССР проходила на основе использования старой досоветской мифологии государственного суверенитета, если опыт такового был в истории бывших советских республик, либо в ее основу ложилась новая национально-политическая мифология с соответствующей символической организацией политического пространства. Легитимация политических режимов в России, Беларуси, Украине, Литве, Латвии, Эстонии проходила на основе восстановления символики времен былого государственного суверенитета (в России времен дооктябрьского развития, в Украине знаково-символический комплекс и политическая мифология уходили своими корнями во времена Запорожской Сечи и гетмана Б. Хмельницкого, белорусская политическая элита обратилась к временам независимости Великого Княжества Литовского). Данными мероприятиями в области политического и государственного строительства политическая элита бывших советских республик пыталась обеспечить легитимный статус своей политической власти в общественном сознании. Где-то это удалось (в Прибалтике, Украине, практически в России), а где-то – нет (Беларусь). В Беларуси, в связи с консервативностью общественного сознания, в результате проведения общереспубликанских референдумов, произошла замена новой белорусской политической символики на модифицированный знаково-символический комплекс времен БССР, который оказался более эффективным инвариантом организации трансформационного белорусского политического пространства.

Главным показателем легитимности какой-либо системы политических отношений в массовом сознании является «... «позитивно-нейтральное» восприятие им системы политических символов» [5, с. 10]. Позитивно-нейтральное отношение общества к политическим символам предстает как положительное или, в крайнем случае, индифферентное восприятие людьми конкретной знаковой системы. И если в таких республиках бывшего СССР как Литва, Латвия, Эстония новую символическую организацию политического пространства общественное сознание восприняло, по крайней мере, позитивно-нейтрально, то эффект адаптации белорусского общества к новым политическим символам привел к конфронтации между сторонниками старой советской символики и приверженцами новой политико-символической организации социального пространства.

В процессе выполнения символикой своей легитимирующей функции следует различать два вида адаптации общественного сознания к новым социально-политическим реалиям: статическая и динамическая адаптации. Под статической адаптацией понимается процесс, при котором "... характер человека остается неизменным и лишь появляются какие-то новые привычки" [6, с. 23]. Процедура статической адаптации часто совпадает с введением в качестве легитимирующего средства традиционной или относительно модифицированной системы политической символики, обслуживающей социально-политическую мифологию. Следовательно, процессы трансформации политической идеологии и ее знаковой системы не выходят за рамки количественного изменения, которое не приводит к более глубоким качественным преобразованиям в области организации системы властных отношений. Данные количественные преобразования не могут служить условием трансформации поведенческих реакций, выработанных индивидом и обществом в процессе осуществления ими политической деятельности на протяжении длительного периода времени.

При динамической адаптации, которая чаще всего совпадает с системными изменениями организации властных отношений, «... индивид приспосабливается к внешним условиям, но такое приспособление изменяет его, в нем возникают новые стремления, новые тревоги» [6, с. 23]. Указанный тип адаптации совпадает и сопровождает новаторский тип легитимации политического режима посредством новой символической организации политического пространства. Общественное сознание, на первоначальном этапе, отказывается воспринимать новую знаковую систему, что приводит к относительной нестабильности легитимационного процесса нового политического пространства. Для достижения позитивно-нейтрального отношения общественного сознания к новому знаково-символическому комплексу как способу организации конкретного политического пространства, требуется время. В рамках этого переходного периода легитимность системы властных отношений обеспечивается не только использованием новых символических форм, но и одновременным применением традиционных политических символов. В России, наряду с триколором и двуглавым орлом, как символами государственного суверенитета, существуют модифицированные советские политические символы – гимн, который состоит из мелодии гимна СССР и новых слов, адаптированных к сложившимся политическим реалиям. В области других видов политической символики надо отметить следующие примеры: одновременно сосуществуют политические топонимы Санкт-Петербург и Ленинградская область, наряду с Андреевским флагом российского ВМФ, применяется Красное знамя в качестве символа российской армии, наградная система Российской Федерации включает в себя, как элементы старой советской системы, так и новые награды и знаки отличия (Герой Советского Союза стал Героем России, одним из высших государственных орденов стал Андреевский крест). Все эти примеры свидетельствуют о стремлении политической элиты вызвать у общества доверие к новым символическим формам, посредством одновременного применения старой политической символики, и через это легитимировать конкретное политическое пространство.

Современный знаково-символический комплекс Беларуси представляет собой сложное образование, включающее в себя несколько составляющих частей. Одна из них состоит из комплекса советских ценностно-символических ориентиров, другая часть – это новые, национально-демократические символы и ценности. Однако говорить о чистом существовании этих образований на практике не стоит. Чаще всего они тесно переплетаются и взаимодополняются, т.е. каждый структурный элемент белорусской политической символики может

сочетать в себе символы всех направлений социального символизма. Третьим компонентом символической организации Беларуси являются символы, импортированные и интегрированные в белорусское политическое поле в рамках политического символотворчества, характерного для процесса создания Союзного государства Беларуси и России. Следовательно, характерной чертой знаково-символического комплекса в период общественно-политической трансформации является его идеологическая гетерогенность, заключающаяся в одновременном сосуществовании идеологически разных ценностно-символических доминант в политической практике и общественном сознании. Данное положение дел в сфере политической символики объясняется затянувшимся процессом формирования новой идеологии белорусского независимого государства. Однако в последнее время этот процесс значительно активизировался, в связи с инициативами, которое проявило в данной области высшее руководство нашей страны. Все это позволяет надеяться на то, что произойдет существенное ускорение работы над созданием и внедрением в общественное сознание и практику новой знаково-символической системы белорусского политического пространства, т.к. политическая символика является структурным элементом любой социально-политической идеологии. Одновременно символический комплекс может рассматриваться в качестве одного из способов или механизмов интериоризации основных идеологических доктрин, концепций и постулатов в общественную практику.

Таким образом, знаково-символическая система выступает в качестве одного из важнейших способов и средств легитимации политического пространства переходного общества. Качественные изменения в системе политических отношений находят свое отражение в соответствующей трансформации символической организации политического пространства. Это обстоятельство обеспечивает относительную преемственность и позитивно-нейтральное восприятие общественным сознанием преобразующегося социального пространства. Функциональная эффективность политической символики как легитимирующего средства определяется следующими факторами: условия формирования и идеологическая ценность, объясняемая насущными проблемами определенной общественной системы; историческое соответствие символов культуре и политической традиции конкретного общества; эмоционально-чувственное восприятие и форма выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. И.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
3. Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 375 с.
4. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: Мифы и реальность // Общественные науки и современность. – 2000. – № 1. – С. 51-67.
5. Парамонава В.А. Политический символ как средство легитимации социального пространства: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 2002. – 22 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. Г.В. Швейкина / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.

SUMMARY

This article deals with the problem of studying the political symbology and its role in the legitimation process of political expanse. Particular attention is paid to the symbolic aspects of forming a new political expanse of the Belarusian state.